

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2019–2020 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

1. [40 баллов] ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Прочитайте фрагменты стихов и их переводы на болгарский и польский язык. Выполните задания.

1. [5 баллов] Догадайтесь, фрагменты стихов какого русского поэта XX века представлены ниже. Укажите имя и фамилию автора этих стихотворных фрагментов.

2. [5 баллов] Найдите верные соответствия между пятью стихотворными фрагментами, написанными по-русски, и их болгарскими переводами. Укажите попарно их номера (например: 1 – 4).

3. [10 баллов] Перед вами текст песни того же автора и два перевода (из каждого даны две строфы первых строфы и припев). Какие смыслы стихотворения отразили переводчики в каждой из версий? Ответьте в 3–4 предложениях.

4. [20 баллов] Напишите небольшое (10–12 предложений) рассуждение: «Легко ли быть переводчиком?» В рассуждении о художественном переводе и вольности переводчика вам могут помочь высказывания двух знаменитых переводчиков иноязычных поэтов.

«Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник» (В.А. Жуковский).

«Из этого надо сделать русские стихи, как я делал из Шекспира, Шевченки, Верлена и других, так я понимаю свою задачу» (Б.Л. Пастернак).

Оцениваются: полнота комментариев, точность аргументации, количество ссылок на названия и тексты художественных произведений.

к заданию 2

1	Я не люблю, когда наполовину Или когда прервали разговор. Я не люблю, когда стреляют в спину, Я также против выстрела в упор.	1	Да не чака златото от мене – няма аз целта да пресека: ще си спомни шпорите надменни, щом всредата спра и засека. (Перевод В. Левчева)
2	Иногда как-то вдруг вспоминается из войны пара фраз – например, что сапёр ошибается только раз.	2	Аз мразя разговори полусмели, полунеца да шепнат с полуглас. Аз ненавиждам в гръб когато стрелят, когато в упор стрелят – мразя аз. (Перевод Р. Леонидова)
3	Ох, как я бы бегал в табуне – но не под седлом и без узды!	3	... Ах, как бих бягал във табуна аз – без седло и без юзда – с размах! (Перевод Д. Тонева)

4	Но и утром всё не так – Нет того веселья. <...> И ни церковь, ни кабак – Ничего не свято...	4	Понякога ненадейно си спомням парафраза, споделена от мъж – има право да сгреши и сапъора, но веднъж. (Перевод Р. Леонидова)
5	Нет, не будут золотыми горы Я последним цель пересеку, Я ему припомню эти шпоры, Засбою, отстану на скаку.	5	Но и сутрин – равно бял тъжен свят те свива. И ни храм, ни хоремаг свято не съгрява... (Перевод Т. Георгиевой)

к заданию 3

ОХОТА НА ВОЛКОВ

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня – опять, как вчера, –
Обложили меня, обложили,
Гонят весело на номера.

Из-за елей хлопочут двустволки –
Там охотники прячутся в тень.
На снегу кувьркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Припев:

Идёт охота на волков, идёт охота!
На серых хищников – матёрых и щенков.
Кричат загонщики, и лают псы до рвоты.
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали – «Нельзя за флажки!»

Припев.

Наши ноги и челюсти быстры.
Почему же – вожак, дай ответ –
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем через запрет?

Волк не должен, не может иначе!
Вот кончается время моё.
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся и поднял ружьё.

Припев.

Я из повиновения вышел
За флажки – жажда жизни сильней!
Только сзади я радостно слышал
Удивлённые крики людей.

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня – не так, как вчера!
Обложили меня, обложили,
Но остались ни с чем егеря!

Припев.

А. Обратный перевод по тексту Я. Качмарского
Свернувшись калачиком в темной яме, он крепко спал,
И маленькие волки спали, два слепых ещё,
Тогда старый волк-вожак, хорошо знавший жизнь,
Поднял голову, громко зарычал, и я вздрогнул.

Я почувствовал ненавистный запах вокруг меня,
Запах, который нарушает покой, разрывает все сны.
Далеко кто-то где-то отдал короткий приказ: «Гони!»
И с четырёх сторон выскочили на нас четыре гончих!
Облава! Облава! На молодых волков облава!
Они дикие, страстные, выросшие в густом лесу!
Вытоптан снежный круг! Кровавое пятно в этом круге!
Волчьи тела разорваны гончими собаками!

Б. Обратный перевод по тексту А. Колаковского

Они уже выпустили собак с поводка
Весь лес пахнет предательством,
Эхо несет вой псов и команду охотников,
Которая гласит: должны догнать стаю.

Мы больше не чувствуем боли и страха,
Не время бояться в час испытаний,
И хотя лес скрывает нас от враждебных глаз
Мы не будем прятаться в норах.

Нам снова хотят нарисовать границу,
Закрыть мир красными тряпками,
Утопить щенков в крови или связать наши души
Узами сильнее смерти.

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Александр Грин (Александр Степанович Гриневский, 1880–1932)

АКВАРЕЛЬ

Клиссон проснулся не в духе.

Вчера вечером Бетси жестоко упрекала его за то, что он сидит на её шее, в то время как Вильсон поступил на речной пароход «Деннем».

Должность кочегара предназначалась Клиссону, но он с намерением опоздал к поезду, чтобы «Деннем» ушёл в рейс. Прачка зарабатывала неплохо. Клиссон обдуманно потакал наклонности Бетси к выпивке. Охмелевшая женщина давала ему деньги довольно кротко. Она считалась хорошей прачкой, поэтому у неё всегда было много работы.

Лёжа на кровати с тяжёлой головой, с жжением в груди, Клиссон курил папироску и размышлял: каким образом получить крону? День был праздничный; вчера кочегар условился с приятелями, что встретит их в кабаке Фукса.

Весёлое зелёное утро шевелило за рамой окна листья плюща. Благоухали кусты, росшие под стеной дома. Клиссон, смотря на жёлтые и белые цветы, представлял, что это серебряные и золотые монеты. Он насчитал сорок штук и вздохнул.

Бетси внесла железный чайник. Зевая, стала она накрывать на стол.

В комнате не было другой мебели, кроме табуретов, двух кроватей и старого плетёного кресла.

За дверью, в углу, целую неделю копился сор. На подоконнике лежали объедки; пол был усеян огуречной и яблочной кожурой. У стены огромные корзины с грязным бельём распространяли запах тлена и сырости.

Двигаясь около стола, прачка задела ногой пустую бутылку; она выразительно откатилась, напомнив Клиссону, что надо опохмелиться.

Хмурый вид Бетси не вызывал в нём особых надежд. Жалея, что вчера забыл выпросить у неё денег, Клиссон понуро оделся; опасаясь повторения вчерашних нападков, он не торопился вступать в разговор.

Они стали молча пить чай. По тому, как Бетси вырвала из руки кочегара нож, которым тот резал хлеб, Клиссон мрачно убедился, что прачка не забыла «Деннем». Терять было нечего.

Клиссон сказал:

– Опоздал на поезд. Разве я хотел опоздать? Случай, больше ничего. Не дашь ли ты мне шиллинг?

– А будь я проклята, если дам, – спокойно ответила Бетси. – Я пять домов перестирала за эту неделю. Брошу работать; начну пить, как ты.

Они поругались, потом затихли. Клиссон с отвращением проглотил кружку чая, завидуя Бетси, у которой никогда не болела голова. Чтобы отомстить, он сказал:

– Ты сама пьёшь. Вчера напилась, стала петь. Надела рубашку чужую, с кружевами, и хвасталась!

– Так ты мне не давал бы пить. Я столько не пила прежде. Теперь пью и буду пить, а денег не дам.

Едва не загорелась драка, но тут прачку через окно окликнула соседка, и Бетси вышла, бросив взгляд на угол корзины с бельём. Едва жена скрылась, Клиссон подскочил к корзине и разрыв бельё в том месте, куда посмотрела Бетси. В коробке от папирос лежали деньги. Клиссон взял крону и быстро привел бельё в порядок, сев затем снова к столу.

Почти тотчас вернувшаяся Бетси с сомнением уставилась на Клиссона, но не догадалась о краже. Вздохнув, она стала вытряхивать за окно одеяло, а Клиссон спрятал кепи во внутренний карман пиджака и через пустые комнаты, тщетно ожидавшие жильцов, прошёл к раскрытому окну; он выпрыгнул из него и обогнул сарай, где Бетси летом стирала. Тогда он надел кепи и, убедясь, что прачка не преследует его, поспешил к станции трамвая.

В переполненном вагоне Клиссон окончательно успокоился.

Приехав через полчаса в город, Клиссон полюбовался своей кроной и направился в трактир Фукса. Переходя с тротуара на тротуар, кочегар посмотрел вокруг и вздрогнул: Бетси быстро шла прямо к нему, не сводя глаз, и значительно кивнула, когда он, невольно остановясь, втянул голову в плечи.

Предстоящее объяснение так тяжело сжало сердце Клиссону, что у него не хватило мужества встретить грозу. Вид чёрной юбки и клетчатого платка,

приближающихся с неумолимой быстротой, расталкивая и обегая прохожих, вынудил его к бегству, и Клиссон устремился прочь, разглядывая все двери и входы с мечтой найти спасительную лазейку. Услышав за спиной крик:

«Не уйдёшь, подлец!» – Клиссон пустился бежать и свернул за угол. Там был глубокий стильный вход с вращающимися дверьми. Со всей быстротой соображения, вызванной ужасом, Клиссон прочёл надпись овального щита: «Весенняя выставка акварелистов» – и вбежал по солнечной лестнице к входу в зал, где его остановила девица решительного вида, заставив купить билет. Меняя крону, он испытывал некоторое удовольствие при мысли, что часть денег всё-таки им истрачена и что Бетси потеряла из вида его убегающую спину.

Клиссон прошёл в зал, где с высоких стен глянуло на него множество лиц. В его планы не входило критиковать Смайльса и Дежруа; он хотел лишь побыть и уйти. Он видел задумчивых посетителей, обменивающихся тихими замечаниями, и затем... явственно признал Бетси: она, холодно улыбаясь, приближалась к нему. Её глаза были прищурены, и она не видела ничего и никого, кроме Клиссона, взявшего её крону.

– Не ушёл? – сказала Бетси ледяным тоном. – Пойдём-ка поговорим.

– Только не здесь, – взмолился Клиссон, устремляясь вперёд. – Здесь выставка... Я поехал на выставку... Где же ты была? Не видел тебя в трамвае...

– В следующем вагоне. Ответь: долго будет так? Подлец!

– Я не на привязи у тебя, – огрызнулся Клиссон, шагая всё быстрее среди толпы.

Стараясь говорить тихо, они бранились, осыпали друг друга проклятиями, и Бетси заплакала. Вороватая душевная тяжесть Клиссона достигла предела. Он видел, что посетители обращают внимание на него и на прачку, подметил вопросительные взгляды, улыбки. Не зная, что делать, Клиссон поворачивал из одной двери в другую, а Бетси следовала за ним, как проникающее в дерево сверло, и Клиссон начал останавливаться возле картин, – хотя ему было не до картин, – выбирая такие места, где толпилось больше публики. В таких случаях Бетси молчала, но стоило ему отойти, как он слышал сдавленный шёпот: «Бездельник! Лицемер! Пьяница!» – или: «Немедленно уходи отсюда! Отдай деньги!»

– Замолчи! – сказал Клиссон так громко, что, побоясь скандала, женщина утихла. Следом за ним она подошла к картине, на которую Клиссон уставился исподлобья, как на улыбающегося врага. Человек десять рассматривали картину. Дорожка с полосами света, проникающего сквозь листву и падающего на заросшую плющом стену кирпичного дома с крыльцом, возле которого на деревянной скамейке валялась пустая клетка, показалась Клиссону знакомой.

– Похоже, что это наш дом, – произнёс он тоном мольбы, надеясь прекратить казнь.

– Сбрендил ты, что ли?

Но чем больше прачка всматривалась в картину, тем понятнее становилось

ей, что это точно тот дом, откуда исчезла злополучная крона. Она узнала окна, скамейку; узнала ветви клёна и дуба, между которых протягивала верёвки. Яма среди кустов, поворот за угол, наклон крыши, даже выброшенная банка из-под консервов – всё это не оставляло сомнений. Глаза и память указывали, что Бетси и Клиссон смотрят на собственное жильё. Восхищенные, испуганные, перебивая друг друга подробными замечаниями, они немедленно доказали сами себе, что ошибки нет.

– За крыльцом помойное ведро; его не видно! – радостно заявила Бетси.

– Да-а... а внутри-то?! Хотя бы ты подмела, – с горечью отозвался Клиссон.

Они отошли в угол; там, шепчась между собой, старались они понять, как попало сюда изображение дома. Клиссон высказал догадку, не есть ли картина раскрашенная фотография. Но Бетси вспомнила человека, который месяца полтора назад шёл с ящиком и складным стулом.

– Я тогда же подумала, – сказала она, – идёт и ни на что не обращает внимания. Я хотела вернуться, было мне странно его там встретить – ни на кого не похож! А ты пропал три дня. Два дня я тебя искала.

Они наговорились и вернулись к картине, так необычно уничтожившей их враждебное настроение. Перед картиной стояло несколько человек. Видеть этих людей казалось Клиссону так же странным, как если бы они пришли в дом смотреть жизнь. Дама сказала:

– Самая прекрасная вещь сезона. Как хорош свет! Посмотрите на плющ!

Услышав это, Клиссон и Бетси ободрились, подошли ближе.

Их терзало опасение, что зрители увидят пустые бутылки и узлы с грязным бельём. Между тем картина начала действовать, они проникались прелестью запущенной зелени, обвивавшей кирпичный дом в то утро, когда по пересечённой светом тропе прошёл человек со складным стулом.

Они оглядывались с гордым видом, страшно жалея, что никогда не решатся заявить о принадлежности этого жилья им.

«Снимаем второй год», – мелькнуло у них. Клиссон выпрямился. Бетси запахла на истощённой груди платок.

– А всё-таки мне больше дают стирки, чем этой потаскухе Ребен, сказала Бетси, – потому что я своё дело знаю. Я соды не кладу, рук не жалею. Ну... раз уж украл, так поди выпей... только не на все.

Клиссон помолчал, затем шепнул:

– Пойдём. Я выпью. Уж раз я сказал, я слово своё держу.

Завтра надо поговорить с Гобсоном – Гобсон обещал мне место, если Снэк откажется.

– Будь уверен, что тебя водят за нос.

– Ну, ничего, выпьем, с Гобсоном поговорим.

Они прошли ещё раз мимо картины, искоса взглянув на неё, и вышли на улицу, удивляясь, что направляются в тот самый дом, о котором неизвестные им люди говорят так нежно и хорошо.

<1928>

Вариант 2

Григорий Михайлович Кружков (род. 1945)

ГОВОРИТ ДЕРЕВО

Дерево

было

задумчивое, с дуплом,
оно часто жужжало по вечерам,
вызывая повышенный интерес.
Но когда Чернокожий туда залез
и, рискуя башкой, выкурил пчёл,
дупло оказалось совсем пустым.
...А потом, когда выветрился дым,
в нём устроились гномы, и они сперва
жили тихо, – но через неделю устроили вдруг
свадьбу и так разошлись, что жених
выпал – и тогда отменили бал
и назначили поминки. А потом там был склад
шишек. А потом там держал шпион
чертежи самострела (его почти
поймали, но он всё же успел удрать).
О прекрасный мой Дровосек, присядь
на пенёк. Не спеши. Послушай, о чём
шелестят вершины – там, наверху...

Знаю, чую:

ты крепко

рубишь меня,

никогда не

разрубишь.

Верю тебе.

Потому что

коре моей –

тыща лет.

А листва –

ровесница

мотыльку.

<2003>

Максимальный балл за всю работу – 80.

